

Почерк на двух листах разнился — казалось, эти двое вели безмолвный диалог, отвечая друг другу сквозь время. В одном стихотворении сквозила горькая тоска и надежда на встречу лишь в следующей жизни, в другом же теплилась вера в скорое свидание на этом свете.

— Старший брат Сунцзин, как же так получилось? — спросил Минну.

Сунцзин долго, не отрываясь, всматривался в строки.

— Должно быть, они знали друг друга задолго до всего этого. Проклятие рассеялось, и молодой господин Чжэн вот-вот придёт в себя. Нам нужно вернуться в поместье Чжэн.

Минну послушно спрятал оба письма. Они с Сунцзином ещё раз тщательно осмотрели опустевший двор, после чего старший брат увлёк его за собой, и их силуэты растворились в воздухе.

Пространство вокруг стремительно исказилось, замелькав неразличимыми мазками, и уже в следующий миг они очутились в поместье Чжэн. На этот раз Сунцзин перенёс их напрямик в покои молодого господина.

Огромное Поместье Чжэн превратилось в безжизненную пустошь. Почти все слуги до этого находились под властью Цинь Ляньцзюнь, и теперь в просторной спальне царила мёртвая, звенящая тишина — никто из челяди не смел переступить порог.

Светильники не горели. Тусклый, ледяной полумрак проникал сквозь окна, окрашивая резные красные балки в зловещие, холодные тона. Висевшие снаружи старые, поблёкшие бумажные фонари сиротливо покачивались на ветру, нагоняя уныние.

Из-за резной ширмы донёсся едва слышный, прерывистый кашель.

Человек, который ещё вчера казался бездыханным мертвецом, вернулся к жизни. За последние дни Минну повидал немало чудес, которые прежде не уложились бы у него в голове, но сейчас, чувствуя рядом невозмутимого Сунцзина, он ощущал лишь умиротворение и покой.

Словно почуяв чужое присутствие, кашлявший за ширмой человек замер. Вскоре он медленно показался из своего укрытия. Взгляд молодого господина Чжэна сразу же приковал к себе золотой колокольчик, зажатый в руке Сунцзина.

Взор юноши дрогнул, в глубине его глаз отразилась целая буря невысказанных чувств.

Священный артефакт надёжно сдерживал зловещую ауру. Красный силуэт женщины томился внутри, не в силах вырваться на волю. Увидев заточённый дух, молодой господин Чжэн мгновенно всё понял. Лицо его сделалось белым как полотно, и он бессильно опустился на колени перед незваными гостями.

Даже очнувшись от смертного сна, Чжэн Цюйин выглядел болезненным и хрупким, словно увядающий учёный, но спину он держал прямо, точно упругий лист лотоса под порывом ветра. Когда он опускал длинные ресницы, казалось, на них оседает холодный снег далёких окраин.

У висков его серебрилась преждевременная седина. Исхудалое, истощённое тело едва удерживало угасающий дух, а дыхание было совсем слабым.

— Вся вина лежит на мне одном, — тихо произнёс он, и голос его сорвался от подступающих слёз. — Моя слепая привязанность, моя глупая страсть и неведение открыли путь злу. Она лишь безвинная жертва, которую я увлёк за собой в эту бездну... Заклинаю вас, пощадите её.

— Поднимитесь, молодой господин Чжэн, — ровно отозвался Сунцзин. — Ошибки и преступления людские рассудят великие ордены бессмертных.

Немного помолчав, он добавил:

— Но прежде расскажите нам всё. С самого начала.

Чжэн Цюйин медленно поднял голову, покорно вглядываясь в лицо заклинателя. Сунцзин без лишних слов уловил это безмолвное согласие и мягко коснулся ладонью его лба.

Яркая белая вспышка на мгновение ослепила Минну. Когда зрение вернулось, они с Сунцзином стояли уже не в холодной спальне, а посреди богатой, но погружённой в гнетущий сумрак усадьбы. Свет здесь казался тяжёлым и вязким, словно само пространство соткали из чьих-то глубоко запрятанных, болезненных воспоминаний.

— Старший брат Сунцзин, мы... в памяти молодого господина Чжэна? — нерешительно шёпотом спросил Минну.

— Да, — подтвердил Сунцзин. — Эта техника зовётся «Исследованием душ». С её помощью можно заглянуть в сокровенные воспоминания человека, но лишь в том случае, если он сам готов раскрыть разум.

Минну вспомнил истории, что когда-то слышал от бродячих сказителей, и с любопытством уточнил:

— А если заклинатель обладает невероятной силой? Сможет ли он подчинить чужую волю и забрать воспоминания силой?

— О? Думаешь, такое возможно? — Сунцзин с лёгким удивлением взглянул на юношу, заметив его живой интерес. Немного помедлив, он кивнул: — Всё именно так, как ты говоришь. Однако для этого потребуется поистине колоссальная духовная мощь.

— Колоссальная — это какая?

— Не ниже восьмой ступени совершенствования.

Минну понимающе кивнул. В этот момент его внимание привлекли торопливые шаги — мимо них по коридору прошёл слуга.

Слуга беспрепятственно прошёл сквозь их призрачные силуэты. Он явно куда-то спешил, направляясь к покоям, убранство которых показалось Минну смутно знакомым, разве что мебель и занавеси выглядели куда новее и чище. Это было то самое Помесье Чжэн, но много лет назад.

— Молодой господин, сегодня Праздник тысячи осеней, — почтительно обратился слуга, переступив порог. — Госпожа велела узнать, не пожелаете ли вы отправиться вечером на ярмарку в город?

Минну сделал пару шагов вперёд, чтобы получше разглядеть сидевшего в комнате юношу. На вид ему было не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Измождённый, хрупкий, он обладал тонкими, изящными чертами лица, но смертельная бледность лишала его всякой красоты. Он походил на искусственный бумажный цветок, готовый рассыпаться от малейшего дуновения ветра — искра жизни почти угасла в его теле.

— Не хочу, — отозвался юный Чжэн Цюйин. Голос его звучал глухо, едва переходя в шёпот.

Слуга, впрочем, не отступал:

— Но лекарь говорил, что прогулки на свежем воздухе благотворно скажутся на вашем недуге...

В комнате повисла тяжёлая тишина. Наконец сквозь неё прорвался тихий, лишённый всякой надежды вздох юноши:

— Мне осталось от силы год или два. К чему теперь эти пустые заботы?

Лицо слуги исказилось от испуга, он торопливо опустился на колени:

— Молодой господин!.. Умоляю, не говорите так. Если госпожа услышит, её сердце разорвётся от горя.

Юноша лишь отвернулся к окну, не желая видеть скорбного лица слуги.

За окном сиротливо цвели белоснежные гардении кунджи. Они отчаянно цеплялись за жизнь в сухой земле, но как бы усердно ни боролись, с приходом осени их хрупким лепесткам суждено было обратиться в прах.

С наступлением сумерек юноша всё же поддался на уговоры. Не желая расстраивать мать, он неохотно отправился на праздник.

Несмотря на раннее лето, он укутался в тяжёлую шубу из лисьего меха и крепко прижимал к груди медную грелку с горячей водой, резко выделяясь на фоне праздничной толпы.

Заметив сына, госпожа Чжэн просияла от радости, ласково улыбнувшись ему:

— Мой мальчик сегодня так хорош собой. Уверена, на этой ярмарке тебе подарят немало ветвей тысячи золотых.

Они неспешно пошли по улицам города Колокола и Барабана. Праздник тысячи осеней гремел всюду: кругом сновали нарядные юноши и девушки, повсюду высились украшенные алтари Змеиной Матери, а над мостовыми гирляндами покачивались расписные фонари.

Цюйин терпеть не мог суету и шум. Свернув в тихий переулок, он надеялся укрыться от многолюдья, но даже там не уберётся — кто-то со всего маху налетел на него.

— Ах, простите!..

Юноша покачнулся. В лицо ему ударил густой, дурманивший аромат гардений. Десятки белоснежных цветов взмыли в воздух и рассыпались по земле. Чжэн Цюйин поднял глаза и встретился взглядом со столкнувшейся с ним незнакомкой. На её лице была маска Призрачного Лорда, шелковистые тёмные пряди задели его пальцы, а из-под прорезей маски на него смотрели удивительно нежные, живые глаза.

— Простите, я такая неловкая... — услышался смущённый девичий голос.

От неожиданного столкновения в груди Чжэн Цюйиня отозвалась тупая боль, а в голове закружилось. Но сквозь окутавший его аромат гардений он видел лишь сияющие глаза девушки.

Этот взгляд в одно мгновение проник в самую глубину его израненной души, затмив собой весь праздничный блеск сотен городских огней.

— Пустяки, — Чжэн Цюйин отступил на пару шагов, стараясь удержать равновесие.

Убедившись, что незнакомец в порядке, девушка, державшая в руках плетёную корзину,

поспешно наклонилась, чтобы собрать рассыпавшиеся бутоны.

В Праздник тысячи осеней на улицах всегда хватало цветочниц, но Цюйин впервые видел, чтобы кто-то продавал гардении кунчжи. Их век был слишком короток — сорванные цветы увядали за одну ночь.

— Я слишком торопилась, — смущённо произнесла она, отводя взгляд под маской. Вытащив из корзины небольшой букет, завёрнутый в плотную бумагу, она протянула его юноше. — Примите это в знак моих извинений.

Гардении были аккуратно завернуты в промасленную бумагу и украшены резными травинками. Их безупречно белые лепестки казались нетронутыми тлением, источая первозданную чистоту.

— Почему именно кунчжи? — невольно спросил Чжэн Цюйин, принимая букет.

— Пускай их жизнь коротка, зато аромат глубок и сладок, превосходя убранство любого сада. Разве этого мало? К тому же у каждого цветка свой ценитель. Кто-то пройдёт мимо, а кто-то сочтёт сокровищем.

Из-под маски послышался тихий, ласковый смех. Голос девушки журчал весенним ручьем, а тёмные локоны мягко опускались на плечи. С корзиной цветов в руках она казалась сошедшей с древнего свитка небожительницей.

В ту ночь Чжэн Цюйин долго не мог уснуть, а когда забылся тревожным сном, пред ним вновь возник этот прекрасный образ. Слова незнакомки эхом отдавались в его мыслях.

Прежде, зная, что его дни сочтены и он вряд ли переживёт своё двадцатилетие, Цюйин влачил жалкое, безразличное существование. Но теперь его скованное стужей сердце словно тронула весна. Он велел разузнать о девушке и вскоре выяснил, что она живёт в Восточном городе и приходится дочерью местному лекарю.

Её отец был прикован к постели тяжёлым недугом, и верная дочь не отходила от него ни на шаг, лишь изредка отправляясь на сбор трав или торгуя нехитрым товаром, чтобы добыть на пропитание.

Узнав дорогу, Чжэн Цюйин больше не находил себе места. Он раз за разом приходил в Восточный город, неприкаянно бродя мимо её лавки. Он видел, как зацветает абрикос, как осыпаются белоснежным цветом груши, и неизменно наблюдал за своей таинственной девой, усердно работавшей среди сухих корней и снадобий.

На этот раз её лицо не скрывала маска. Она оказалась именно такой, какой он её представлял: утончённые, благородные черты лица, исполненные кротости, и глаза, в которых светилась

тихая печаль, делали её похожей на земное воплощение Призрачного Лорда.

Он подолгу стоял у невысокой ограды её двора, скрываясь в тени, и поспешно уходил лишь тогда, когда в лавку заглядывали редкие покупатели.

Лепестки дикой груши кружились в воздухе, оседая на её волосах и плечах подобно первому снегу. И даже резкий, горький дух сушёных трав рядом с ней терял свою неприятную остроту, становясь лишь ненавязчивым фоном для её неброской красоты.

Дни слагались в недели, недели — в месяцы. Он приходил всё чаще, подолгу простаивая у знакомых ворот. Время его молчаливого бдения растягивалось, а времена года сменяли друг друга: облетели лепестки абрикоса, отцвели осенние травы, и на черепичные крыши лёг тяжёлый зимний наст.

С приходом первых холодов здоровье Чжэн Цюйиня резко пошатнулось. С первого снегопада он больше не покидал постели, проводя долгие, безрадостные дни в удушливом мареве лекарственных испарений.

Его престарелые родители сокрушались от горя, их головы побелели от забот, но всякий раз, переступая порог его спальни, они силой выдавливали из себя ласковые улыбки. На Новый год в поместье Чжэн никто не заглядывал — весь город знал, что усадьба выстроена на иньских ветрах, и суеверные горожане обходили её стороной, считая проклятым местом.

В ту зиму он редко приходил в себя, балансируя на грани яви и забытья. В один из редких моментов просветления к нему вошёл слуга с докладом. Цюйин чувствовал себя ужасно: уголки его губ окрасились багрянцем, а тонкий шёлковый платок в его руке пропитался свежей кровью.

— Молодой господин, тут для вас передали посылку... — нерешительно произнёс слуга. — Сказали, от дочери лекаря из Восточного города.

Чжэн Цюйин поначалу даже не расслышал слов, но когда перед ним поставили плетёную корзину, его сердце пропустило удар. Внутри лежали целебные коренья, спасающие от зимней стужи — взирающая на весну трава ванчунь, которую в народе ласково звали «предвестницей тепла».

К траве была приколота записка с именем: «Цинь Ляньцзюнь».

"Призрачный Лорд, Призрачный Лорд... О, если бы ты проявил ко мне хоть каплю милосердия"

Девушка прислала лекарство — значит, она заметила его долгое отсутствие и поняла, что он болен. В этот миг Чжэн Цюйин впервые в жизни всем сердцем возненавидел собственную немощь. Прежде, за все девятнадцать лет его безрадостного существования, он никогда не

испытывал столь сильного, всепоглощающего чувства.

Ранее он лишь покорно ждал смерти, не ведая желаний и смирившись с судьбой. Но теперь в его душе зародилось земное, греховное стремление. Он обрёл мечту, но, заточённый в темнице собственной неизлечимой болезни, как мог он надеяться испытать чашу счастья до дна?

В тот же день его свалил тяжелейший приступ. Близился роковой двадцатый год его жизни, и недуг нанёс удар невиданной силы. Три дня и три ночи Цюйин метался в бесспамятстве. Жизненные силы капля за каплей покидали его исхудавшее, иссохшее тело.

Очнувшись и окончательно осознав, что ему не суждено излечиться, он дрожащими пальцами вывел на листе бумаги прощальное стихотворение и велел отправить его Цинь Ляньцзюнь.

Чистый поток журчит, стремясь к небесным высям, к источникам девяти облаков.

Моё тело — лишь пух ивовый на ветру, а израненное сердце низвергнуто в пучину девяти бездн.

Я оглядываюсь назад, но слова застывают на губах; впереди лишь разлука, и я молю лишь о встрече в грядущем воплощении.

Три дня спустя он получил ответ.

Цинь Ляньцзюнь вернула ему тот же самый лист, переписав лишь последнюю строку, но от этого простого изменения весь смысл перевернулся.

Я оглядываюсь назад, но слова застывают на губах; впереди лишь разлука, но я всем сердцем уповаю на нашу встречу здесь и сейчас.

Эти несколько слов всколыхнули его душу, лишив прежнего смирения. Они заставили его отчаянно, исступлённо захотеть жить — жить во что бы то ни стало, хотя бы немного дольше.

Видя, как сын цепляется за жизнь, чета Чжэн созвала в Поместье Чжэн лучших лекарей и заклинателей со всей округи. Лекарственные отвары лились рекой, а вскоре родители, уповая на древний обряд избавления от невзгод, поспешили устроить для него брак. Невесту выбрали без его ведома — с ним даже никто не посоветовался.

Прежде потакавшие сыну во всём, в вопросе женитьбы родители проявили непреклонность. Мать умоляла его со слезами на глазах, отец хмуро молчал, не оставляя выбора. В конце концов, обессиленный Цюйин сдался.

К тому времени они с Цинь Ляньцзюнь уже тайно поклялись друг другу в верности. Он

планировал сбежать с ней на следующий же день после навязанной свадьбы, навсегда покинув этот проклятый город.

Однако планам не суждено было сбыться. Его первая суженая трагически погибла ещё в пути, так и не добравшись до ворот поместья Чжэн.

По городу поползли зловещие слухи о том, что молодой господин Чжэн проклят и несёт смерть своим жёнам. Цюйин искренне сочувствовал безвинно погибшей девушке, но в глубине души ощутил невольное облегчение — тяжкие оковы, сковывавшие его волю, наконец спали.

Вскоре безутешные родители вновь сосватали ему невесту — продолжение рода оставалось их единственным упованием под конец жизни. На сей раз, уступив мольбам сына, господин и госпожа Чжэн согласились обойтись без пышных торжеств и сыграть скромную, тайную свадьбу.

Он даже не ведал, как зовут его новую супругу и как она выглядит. Её поселили в дальнем крыле усадьбы, подальше от его глаз. Они ни разу не виделись, а спустя всего несколько дней из внутреннего двора донеслось страшное известие — несчастная бросилась в колодец.

Вторая безымянная жена покончила с собой. Её гибель почти не тронула погружённого в свои мысли Цюйиня. К тому же благодаря новым снадобьям его самочувствие шло на поправку.

Пока родители оплакивали безвременно ушедшую невестку, Цюйин, не в силах больше выносить разлуку с любимой, решил наконец открыться отцу и матери.

— Дочь лекаря из Восточного города, рождённая в третий час инь... Неужели наш Цю-эр полюбил её? — удивлённо переспросила госпожа Чжэн.

Он лишь умолял их о благословении, утаив, что они тайно общаются уже два с половиной года и что образ этой девушки навеки выжжен в его сердце с их самой первой встречи.

— Мы не станем противиться твоему счастью, дитя моё, — со слезами на глазах прошептала мать. — Но о твоей судьбе в народе ходят столь дурные слухи... Согласится ли она пойти за тебя?

— Раз уж ты выбрал её, мы отправим сватов. Если её семья ответит согласиём, так тому и быть.

Цюйин не знал, о чём именно его мать говорила со сватами, но в тот же день в дом Цинь были отправлены щедрые дары. Семья Цинь Ляньцзюнь едва сводила концы с концами, и о браке с сыном столь знатного рода они не смели и помыслить.

Визит сватов из поместья Чжэн застал их врасплох.

На самом деле Цинь Ляньцзюнь видела его у своих ворот каждый день на протяжении года. Она знала, что он стоит там, укрывшись в тени деревьев, но из девичьей скромности притворялась, будто ничего не замечает. А когда он перестал приходить, её сердце заняло от тоски.

Если бы она только знала, как мало времени им отпущено! Ей следовало выйти к нему в тот первый же день и признаться, что её взору давно открыты его безмолвные визиты.

Болезненный, хрупкий юноша, стоявший под сенью грушевого дерева, казался увядающей ветвью — столь одинокой и незащищенной, что у неё щемило грудь от жалости и нежности.

Её радости не было предела. Обрести семейное счастье с любимым человеком в этой жизни казалось ей щедрой наградой за все благодеяния прошлых перерождений.

Они так и не открыли родителям свою тайну. Перед свадьбой Цюйин лично выбрал для невесты праздничное одеяние, фасон которого пришёлся ему по душе, и каждый день отправлял ей нежные послания. В ответ она присылала ему благоухающие гардении, а он со всем тщанием смастерил для неё драгоценную шпильку Цзиньлина.

В качестве свадебного наряда было выбрано платье фасона «Ива и тополь, колышущиеся на ветру». Примерив его несколько дней назад, Ляньцзюнь обнаружила на внутренней стороне воротника искусно вышитый иероглиф «Чжэн» — его имя. Всю ночь она бережно касалась пальцами этих стежков, вспоминая сюжеты прочитанных романов о счастливом замужестве.

Вскоре ей предстояло назвать его своим супругом.

Днём свадьбы назначили Праздник тысячи осеней — ведь именно в этот день год назад они встретились впервые. Этот праздник также именовался Днём преисподней, посвящённым памяти Призрачного Лорда. Предание гласило, что в этот самый день верный соратник Змеиной Матери, великий воин Юцин, пал в бою, после чего врата призраков распахнулись, и он вернулся в мир живых уже в облике нежити.

В день свадьбы Ляньцзюнь поднялась на рассвете. Облачившись в алые парчовые одежды, она зажгла яркие свечи и, по обычаю, аккуратно подрезала фитили. Отражение в зеркале являло её небывалую, сияющую красоту.

Оставалось лишь дождаться свадебного поезда, чтобы навеки связать свои судьбы перед небом и землёй.

Она сидела у постели тяжелобольного отца, который уже давно не приходил в себя и не знал о готовящемся торжестве. Ей исполнилось восемнадцать лет, и по закону она могла сама распоряжаться своей судьбой. Тихо склонившись к родителю, она шептала ему на ухо о своём счастье, и все её речи сводились к одному — к скорой встрече с любимым.

Она ждала час за часом, пока у ворот дома наконец не показались свадебные носилки из поместья Чжэн.

Красное шёлковое покрывало скрывало от неё мир, и сквозь плотную ткань она не могла разглядеть лиц прибывших гостей. До её ушей донёсся лишь голос слуги из Поместья Чжэн по имени Фули — того самого, что в последние недели прилежно доставлял их любовные письма.

Ей так и не суждено было переступить порог Поместья Чжэн и назвать себя законной супругой молодого господина.

Прибывшие люди даже не позволили ей сесть в паланкин.

Прямо посреди родного двора на неё набросились сзади, крепко зажав рот и нос грязными ладонями, и безжалостно задушили.

<http://bllate.org/book/20439/2189017>